

В.Ю. Мишин, А.В. Симоненко

ПОЛИТИКА ПРЕЗИДЕНТА МУН ЧЖЭ ИНА В ВОПРОСАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОИСК БАЛАНСА ЖЕЛАЕМОГО И ВОЗМОЖНОГО

Анализируется деятельность президента Республики Корея Мун Чжэ Ина по налаживанию межкорейских отношений в контексте его новой национальной политики. Рассматриваются различные внутренние и внешние факторы, оказавшие влияние на курс президента Муна по сближению Севера и Юга. Исследуется эволюция его подходов к решению проблем Корейского полуострова с учетом геополитической обстановки в регионе и новых тенденций в отношениях КНДР–США и РК–КНДР.

Ключевые слова: межкорейские отношения; политика Мун Чжэ Ина; межкорейские саммиты; денуклеаризация; Корейский полуостров.

Введение

С момента искусственного разделения Корейского полуострова на два государства с различными политическими системами (1945) эта часть региона остается зоной нестабильности и напряженности. Раскол нации и вмешательство внешних сил в межкорейские отношения привели к тому, что на протяжении уже нескольких десятилетий на Корейском полуострове сохраняется реальная угроза вооруженного конфликта с применением оружия массового уничтожения, что представляет серьезную опасность не только для стран Северо-Восточной Азии (СВА), но и для всего огромного региона Восточной Азии. Ядерное нераспространение по-прежнему является важнейшей проблемой региональной безопасности в СВА, и ключевым звеном в ее решении остается урегулирование межкорейских отношений.

Для Сеула вопрос отношений с КНДР всегда имел особое значение и оставался главным пунктом внешнеполитической повестки при любой южнокорейской администрации. Консерваторы и демократы, сменяющие друг друга у власти, по-разному видели пути урегулирования. В отличие от консервативных правительств, проводивших жесткий курс в отношении Пхеньяна, либералы-демократы традиционно были настроены на развитие сотрудничества с Северной Кореей и поиск компромиссных решений в интересах мира и стабильности на полуострове. Эти идейные установки получили новое качественное развитие и активное практическое воплощение при нынешнем президенте Мун Чжэ Ине, который обозначил главной целью своей новой национальной политики «преодоление раскола нации через установление мира на Корейском полуострове» [1].

Все новое – забытое старое

Мун Чжэ Ин пришел к власти в мае 2017 г. в результате внеочередных президентских выборов, на которых он одержал убедительную победу (41% голосов). Прогрессивно мыслящий, оптимистично настроенный либерал Мун Чжэ Ин выгодно отличался от погрязшей в обвинениях в злоупотреблении властью экс-президента Пак Кын Хе, чье консервативное правление привело к полному разрыву отношений

между РК и КНДР и свертыванию двусторонних связей. Политическая программа нового президента существенно отличалась от установок предыдущего правительства. С его приходом произошла не только смена политического курса, изменилась идеология южнокорейского руководства, внешнюю и внутреннюю политику вновь стали определять демократы.

С первых дней президентского правления Мун Чжэ Ин начал активно претворять в жизнь свои предвыборные обещания, взяв курс на нормализацию отношений с Северной Кореей. Его политика, основанная на выстраивании открытого диалога с Пхеньяном, отличалась гибкостью и реалистичным подходом. Она предполагала последовательное и поэтапное решение проблем Корейского полуострова, в том числе связанных с ракетно-ядерной программой КНДР. Разработанная новым правительством долгосрочная концепция «мирного сосуществования» и «совместного процветания» Северной и Южной Кореи была представлена как «Политика Президента Мун Чжэ Ина в отношении Корейского полуострова».

Основные ее задачи можно сформулировать в четырех пунктах – «мир как наивысший приоритет», «построение устойчивых межкорейских отношений», «следование духу взаимного уважения» и «создание зоны процветания на Корейском полуострове и в регионе СВА» [2]. Таким образом, новая стратегия президента Муна не предполагала ни уничтожения северокорейского режима, ни поглощения или искусственного объединения. Все устремления были направлены на развитие сотрудничества между Севером и Югом на основе взаимного уважения и доверия.

Идеи, провозглашенные Мун Чжэ Ином в рамках его новой политики на Корейском полуострове, не так уж и новы. Скорее, они являются логическим продолжением или модернизированным вариантом «политики солнечного тепла», зародившейся в Южной Корее в 1990-е гг. в качестве идейной основы восстановления межкорейского диалога.

В феврале 1998 г. вступивший в должность президент Республики Корея Ким Дэ Чжун предложил выстраивать отношения с КНДР на принципах «хэппэт чончхэк» – «политики солнечного тепла между Севером и Югом». Ее отличительной

особенностью было то, что она не касалась проблемы объединения Севера и Юга, а отдавала приоритет развитию добрососедских отношений и тесному сотрудничеству двух корейских государств. Конечная цель оставалась прежней – объединение страны, но не силовым путем, не через развал и поглощение КНДР, а в результате налаживания активного экономического, инвестиционного взаимодействия и обменов между людьми. При этом ставка делалась на то, что экономическое сотрудничество двух стран не должно испытывать политического давления. Юг впервые провозгласил курс на построение отношений по принципу отделения экономической составляющей от политической.

Политика президента Ким Дэ Чжуна в отношении КНДР строилась на основе трёх базовых принципов: 1) недопущение вооруженных провокаций на Корейском полуострове; 2) непричинение ущерба друг другу и отказ от попыток поглотить Северную Корею; 3) развитие обменов и сотрудничества между Севером и Югом.

Прогрессивные идеи «политики солнечного тепла» были неоднозначно и без энтузиазма восприняты политическими элитами как Юга, так и Севера. Тем не менее благодаря инициативам Ким Дэ Чжуна двум Кореям удалось на время сбить накал напряженности и начать диалог по актуальным вопросам двусторонних отношений. Произошло некоторое оживление межкорейских контактов, появился прогресс в налаживании торгово-экономических связей, возобновились программы гуманитарного сотрудничества (в том числе встречи семей, разделенных Корейской войной 1950–1953 гг.).

Несмотря на все усилия Ким Дэ Чжуна и его последователя Но Му Хёна (2003–2008), либеральные идеи не смогли прочно закрепиться во внешнеполитическом курсе Сеула, который традиционно испытывал значительные колебания в зависимости от того, какая партия (консерваторы или демократы) становилась правящей. С приходом к власти консерваторов (2008) оттепель в межкорейских отношениях вновь сменилась охлаждением и замораживанием связей. В 2010 г. в ответ на проводимые Северной Кореей ядерные испытания, а также военные инциденты, приведшие к гибели южнокорейских граждан, Сеул ввел запретительные меры, затронувшие почти все сферы межкорейского взаимодействия. Двусторонние проекты были свернуты (за исключением Кэсонского промышленного комплекса) а поставки гуманитарной помощи в КНДР резко сокращены. В 2013–2015 гг. при администрации президента Пак Кын Хе, выступившей с программой укрепления доверия на Корейском полуострове, предпринимались некоторые попытки активизировать связи с КНДР. Но после присоединения Сеула к санкциям СБ ООН в отношении КНДР (2016), сотрудничество между двумя корейскими государствами полностью прекратилось.

Начало новой оттепели

Миротворческие инициативы нового президента Мун Чжэ Ина, выдвинутые еще в начале 2017 г., его настрой на открытый диалог с КНДР и поиск компромиссных решений не сразу нашли отклик у руководства Северной Кореи. Существенный сдвиг в сторону улучшения межкорейских отношений произошел лишь в начале 2018 г. Точкой отсчета стало новое обращение Ким Чен Ына к народу Северной Кореи. По структуре и содержанию эта речь мало чем отличалась от его предыдущих обращений. Раздел, посвященный международной тематике, традиционно содержал призывы к оздоровлению межкорейских отношений, снижению напряженности и установлению мира на Корейском полуострове. Однако стандартный тезис о стремлении Пхеньяна к диалогу на этот раз был дополнен заявлением, что Северная Корея готова к контактам и встречам «не только с представителями правящей партии Южной Кореи, но и со всеми, включая оппозицию, различные организации и отдельных лиц, если они искренне желают национального примирения и сплочения» [3]. Высказанное в этой же речи намерение направить делегацию КНДР на зимние Олимпийские игры в Пхёнчхан стало явным сигналом того, что Пхеньян согласен на диалог и, возможно, на компромиссы.

Сеул отреагировал мгновенно, и уже 2 января, на следующий день после телеобращения, появилось сообщение, что министр по делам объединения Чо Мён Гюн предложил представителям КНДР провести переговоры на высоком уровне. Встреча на уровне министров, отвечающих за национальное объединение, состоялась 9 января в пограничном пункте Пханмунджом. В течение недели представители Севера и Юга обсуждали различные аспекты участия северокорейской сборной в зимней Олимпиаде в Пхёнчхане, а также политические аспекты взаимоотношений. Переговоры показали, что обе стороны чрезвычайно заинтересованы и решительно настроены на урегулирование межкорейских проблем.

На тот момент Мун Чжэ Ин уже несколько месяцев находился в кресле президента, а позитивных сдвигов в отношениях с Северной Кореей, которые он обещал в своей предвыборной программе, все не происходило. Наоборот, 2017 г. был отмечен ростом напряженности на Корейском полуострове: серия испытаний КНДР (лето–осень 2018 г.), угрозы Д. Трампа «покарать огнем и яростью» Северную Корею и демонстративная отправка к ее берегам американского флота, словесная пикировка и взаимные оскорбления Кима и Трампа. Все эти опасные действия происходили без участия и помимо воли Южной Кореи, но при этом непосредственно и больно ударяли по ней. В сложившейся ситуации перед Мун Чжэ Ином стояли две равновеликие по важности и по сложности задачи: выстроить конструктивный диалог с Пхеньяном и добиться конструктивного подхода Вашингтона к корейской проблеме. Миротворческое выступление Ким Чен Ына очень удачно создало благоприятный фон для их решения.

Для Белого дома демонстрируемая Северной Кореей готовность к переговорам, вероятно, стала аргументом в пользу смягчения риторики в отношении

КНДР, что имело особое значение для Сеула и стало решающим фактором, открывшим путь к межкорейскому сближению. Уже 10 января, на следующий день после начала межкорейских переговоров в Пханмунджоме, Мун Чжэ Ин в телефонном разговоре с Д. Трампом поблагодарил президента США за «значительный вклад в то, что переговоры (Севера и Юга. – *Прим. авт.*) состоялись» [4], а Трамп, в свою очередь, одобрив начавшийся межкорейский диалог, сделал неожиданное заявление, что переговоры между США и КНДР, вероятно, также состоятся «в свое время и при определенных условиях».

После выступлений Трампа американские эксперты и политики стали осторожно высказываться в пользу дипломатического сценария решения проблемы КНДР. Например, Г. Киссинджер, еще недавно заявлявший, что США и Китаю следует предпринять действия, которые бы привели к коллапсу режима в Северной Корее, назвал шестисторонние переговоры лучшим способом достижения соглашения по денуклеаризации [5].

Оттепель в отношениях Юга и Севера началась вместе с Олимпиадой в Пхёнчхане (9–15 февраля 2018 г.). Зимние Игры стали благоприятным фоном для налаживания межкорейских связей. Спортивный азарт, эмоциональный подъем, чувства единения и патриотизма временно отодвинули на задний план сложные политические проблемы и сблизили два народа. Впрочем, политические контакты во время Олимпиады имели не меньшее значение. Северокорейскую олимпийскую делегацию возглавила сестра лидера КНДР Ким Ё Чжон (важный дипломатический жест со стороны Пхеньяна), которая за время своего трехдневного пребывания в РК четыре раза встречалась с Мун Чжэ Ином и передала ему официальное письмо от Ким Чен Ына с приглашением посетить Северную Корею.

Но Сеул не был готов к такому стремительному развитию событий. Мун заявил, что необходимо прежде «создать условия, которые бы сделали визит возможным» [6]. Под «условиями» понимались переговоры между КНДР и США о денуклеаризации, о чем Мун Чжэ Ин неоднократно упоминал во время встреч с северокорейской делегацией, подчеркивая при этом, что прогресс в межкорейском диалоге не может быть достигнут, пока КНДР не уничтожит свое ядерное оружие, как того требует международное сообщество.

Довольно жесткая позиция Мун Чжэ Ина обуславливалась не только необходимостью следовать в русле политики США – своего главного военно-политического союзника, она также была следствием сильного давления на президента Муна со стороны внутренней оппозиции в лице крупнейшей консервативной партии Свободная Корея и критически настроенного в отношении КНДР общественного мнения. Несмотря на то, что большинство в Южной Корее приветствовало позитивные изменения в отношениях с Севером, в обществе сохранялся довольно высокий уровень недоверия к северокорейскому режиму.

Опрос, проведенный агентством *Realmeter* в марте 2018 г., показал, что 73% южнокорейцев приветству-

ют наметившиеся сдвиги в отношениях Севера и Юга, но при этом лишь 27% верит заявлениям Северной Кореи (рис. 1).

После того, как с началом «оттепели» активизировался обмен делегациями между Севером и Югом, протесты оппозиции стал еще жестче. Их акции нередко носили провокационный характер. Так, например, 25 февраля депутаты от партии Свободная Корея попытались не пропустить в страну руководителя отдела Единого фронта Трудовой партии КНДР Ким Ён Чхоля¹, который в составе официальной делегации прибыл на церемонию закрытия Олимпийских игр. На пограничном контрольно-пропускном пункте протестующие устроили пикет, обвинили правительство Муна в потворствовании военным преступникам и призывали к казни Ким Ён Чхоля.

Рис. 1. Отношение южнокорейцев к мирным инициативам Пхеньяна [7]

Сильная внутренняя оппозиция значительно осложняла работу Мун Чжэ Ина, блокировала многие его инициативы, но в целом президентского административного ресурса хватало, чтобы противостоять выступлениям консерваторов и продолжать курс на сближение с Северной Кореей. Гораздо сложнее было преодолеть сопротивление Вашингтона. Бескомпромиссная позиция Соединённых Штатов, настаивавших на незамедлительном и полном отказе Пхеньяна от ядерных программ в качестве предварительного условия всех мирных переговоров, не оставляла Мун Чжэ Ину возможности для маневров. С одной стороны, Сеул не имел ни сил, ни средств (да и желания) выступать против США. С другой, было очевидно, что предложенный американцами вариант совершенно нереализуемый, КНДР никогда не пойдет на полное и одностороннее разоружение, поскольку это прямая угроза уничтожения страны. Высказывания Дж. Болтона, что для решения северокорейской проблемы мог бы подойти ливийский сценарий², еще больше усиливали опасения Пхеньяна.

Нереалистичность американского подхода стала очевидной для Мун Чжэ Ина после серии встреч с представителями КНДР в самом начале 2018 г. Начавшийся активный диалог Севера и Юга представил возможность сторонам сверить позиции, вы-

слушать аргументы друг друга и, исходя из этого, скорректировать свою линию. Программные требования Мун Чжэ Ина после этого были значительно смягчены. Если изначально в основе его курса лежал тезис, что денуклеаризация Северной Кореи является необходимым условием нормализации межкорейских связей и установления мира на Корейском полуострове, то после межкорейских консультаций Сеул изменил свой подход к началу диалога с КНДР, сделав денуклеаризацию не отправной точкой переговоров, а их конечной целью. «Денуклеаризация – долгий процесс, конечной целью которого является полный отказ от ядерных мощностей, и на этом пути может быть любое количество промежуточных целей», – заявил официальный представитель администрации президента РК [8].

Саммитовая дипломатия

Начавшаяся межкорейская оттепель создала условия для начала широкого переговорного процесса, в котором особая роль была отведена двусторонним саммитам. Какими бы ни были оценки результатов встреч лидеров Северной и Южной Кореи, бесспорным остается одно: межкорейские саммиты – это историческое событие, которого ждали больше десятилетия, и на которое возлагали надежды, связанные с ликвидацией ядерной угрозы, нормализацией отношений и установлением мира на Корейском полуострове. Отсутствие решений по главным корейским проблемам (денуклеаризация КНДР и заключение мира между КНДР и РК) не отменяет того значительного вклада, который внесли межкорейские саммиты в процессы двустороннего урегулирования и снижения напряженности в регионе.

Первый саммит Мун Чжэ Ина и Ким Чен Ына 27 апреля 2018 г. в Пханмунджоме стал важным шагом на пути установлении доверия между Севером и Югом. Накануне встречи в верхах (21 апреля) на пленуме Трудовой партии Кореи (ТПК) Ким Чен Ын заявил, что его страна отказывается от проведения ядерных и ракетных испытаний, а Южная Корея в ответ прекратила антисеверокорейское пропагандистское вещание на линии соприкосновения. «Пханмунджомская декларация о мире, процветании и объединении Корейского полуострова», подписанная по итогам саммита, в официальных документах Северной и Южной Кореи носит название «исторической». В ней стороны договорились о прекращении враждебных действий, расширении сотрудничества и обменов, а также заявили о намерении в течение 2018 г. поставить точку в вопросе окончания Корейской войны 1950–1953 гг. и подписать мирный договор. И хотя текст Пханмунджомской декларации во многом дублирует ранее подписанные документы (по итогам саммитов 2000 и 2007 гг., декларацию 1992 г. (отказа от враждебных намерений), программу сотрудничества 2015 г.), но решительный настрой, с которым ранее непримиримые стороны сделали шаг навстречу друг другу, а также доброжелательный межличностный контакт, установившийся между Кимом и Муном в Пханмунджоме, давали

основания надеяться, что на этот раз будут предприняты конкретные шаги по реализации пунктов Декларации.

Тем более, что Мун Чжэ Ин с самого начала был полон решимости не повторять негативный опыт предыдущих саммитов, когда достигнутые договоренности не исполнялись ни РК, ни КНДР. Он поставил задачу ратифицировать итоговые документы, чтобы сделать их обязательными для исполнения. На заседании подготовительного комитета по саммиту 21 марта Мун заявил: «Соглашение, достигнутое на межкорейском саммите, должно быть принято как закон. После подписания в него необходимо добавить основные положения, принятые на предыдущих двух встречах на высшем уровне [2000 и 2007], и итоговый документ представить для ратификации Национальному собранию» [9]. Правда, законодательный орган так и не одобрил межкорейские соглашения, из-за категорического несогласия представителей Свободной Кореи, занимающих в Национальном собрании 107 мест из 300. После безуспешных попыток получить поддержку депутатов, Мун Чжэ Ин был вынужден сам ратифицировать принятые документы (23 октября 2018 г.), что вызвало не только бурные протесты южнокорейской оппозиции, но и серьезное недовольство Вашингтона.

Бескомпромиссность Соединенных Штатов во всем, что касалось КНДР, сильно тормозила процесс межкорейского сближения. От позиции США напрямую зависел успех решения важнейших проблем двустороннего взаимодействия КНДР и РК, включая вопросы ядерного разоружения, мирного соглашения, экономического сотрудничества. Нивелировать барьер, созданный жесткой позицией Вашингтона, наладить диалог США–КНДР стало главной задачей Мун Чжэ Ина после Пханмунджома.

Вторая встреча Муна и Кима, прошедшая 26 мая 2018 г., в основном была посвящена американо-северокорейским отношениям и предстоящему саммиту Д. Трампа и Ким Чен Ына (12 июня 2018 г. в Сингапуре). Большой вклад в подготовку первой в истории встречи лидеров США и КНДР внес Мун Чжэ Ин, и это событие без сомнения можно назвать одним из важнейших достижений посреднической дипломатии Муна. Сингапурский саммит, предсказуемо, не увенчался подписанием реальных соглашений, его главная задача состояла не в этом, а в том, чтобы положить конец открытой конфронтации США и КНДР и дать старт американо-северокорейскому диалогу, являющемуся ключом к решению проблем Корейского полуострова.

И действительно, после прошедших саммитов заметно активизировались межкорейские связи: начали развиваться политические контакты, расширились культурные обмены. Беспрецедентные меры были приняты по снижению военной напряженности. Решающую роль в этом сыграл третий межкорейский саммит (18–20 сентября 2018 г., Пхеньян), на котором в присутствии Мун Чжэ Ина и Ким Чен Ына министры обороны КНДР (Но Гван Чхоль) и РК (Сон Ён Му) подписали «Соглашение о реализации исторической Пханмунджомской декларации в военной сфере». Это

Соглашение дополнило и конкретизировало один из важнейших пунктов Пханмунджомской декларации, в соответствии с которым КНДР и РК должны «полностью прекратить все враждебные действия друг против друга во всех областях, включая землю, воздух и море» [10]. Согласно Пхеньянскому соглашению стороны брали на себя обязательство, во избежание случайных конфликтов, которые могли бы расцениваться как провокации, прекратить войсковые учения в районе демаркационной линии, артиллерийские стрельбы с применением боевых зарядов, а также военно-морские учения вблизи разграничительной линии на море и установить бесполетные зоны над демилитаризованной зоной (ДМЗ). Наряду с этим военные представители двух стран договорились о начале ликвидации опорных сторожевых пунктов и проведении наземного разминирования на линии государственной границы.

Отличительной чертой состоявшихся межкорейских саммитов было то, что стороны быстро начали работу по реализации подписанных соглашений и добились в этом значительных успехов. По подсчетам южнокорейских экспертов, на начало ноября 2018 г. из 25 пунктов Панмунджомской декларации и Пхеньянского соглашения было полностью реализовано 9, а 13

находилось на стадии разработки или предварительной готовности [11]. 2018 г. стал периодом самых действенных мер по разрядке напряженности на межкорейской границе. Усилия, предпринимаемые Севером и Югом по выполнению взятых обязательств, позволили значительно снизить вероятность возникновения военного конфликта между РК и КНДР.

Другим важным результатом саммитовой дипломатии, безусловно, стали сформировавшаяся доброжелательная атмосфера и позитивные сдвиги в общественном сознании корейцев Севера и Юга. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что 2018 г. существенно изменил восприятие КНДР в Южной Корее.

Опрос общественного мнения, проведенный агентством *Realmeter*, показал, что если до саммита в Пханмуджоме лишь 14,7% респондентов верили в искренность намерений Северной Кореи провести денуклеаризацию и достичь мира на Корейском полуострове, то после апрельского саммита – уже 64,7%, причем больше половины из них (52%) сказали, что изменили свое мнение в лучшую сторону под влиянием последних событий [12] (рис. 2).

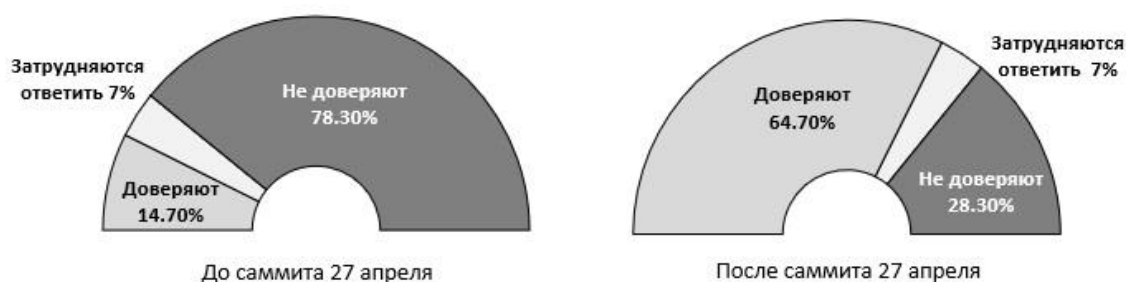

Рис. 2. Отношение южнокорейцев к заявлениям Пхеньяна о денуклеаризации [12]

Радикальные перемены произошли также в сознании молодого поколения южнокорейцев, в чьих руках будущее межкорейских отношений. В конце 2018 г. министерство образования РК совместно с министерством по делам объединения провели опрос, в котором приняли участие более 80 тыс. школьников и студентов. Исследование выявило, что по сравнению с 2017 г. в разы сократилось число молодых людей, воспринимающих Северную Корею как врага. Таковых оказалось всего 5,2%, в то время как в 2017 г. их было 41%. Одновременно выросло число тех, кто видит в Северной Корее партнера по сотрудничеству [13].

На фоне активизации межкорейского диалога резко подскочил рейтинг Мун Чжэ Ина. В апреле 2018 г. показатель одобрения его деятельности находился на уровне 70%, что свидетельствовало о наличии в южнокорейском обществе серьезного запроса на улучшение отношений с КНДР.

Вместе с тем стоит признать, что Пхеньянский саммит и подписанное на нем Военное соглашение стали наивысшей ступенью, на которую смог подняться Мун Чжэ Ин в продвижении межкорейских связей. Дальнейшие шаги в этом направлении без одобрения Вашингтона были невозможны. В сложившейся ситуации прогресс в двусторонних отношениях напрямую зависел от

того, насколько успешны будут попытки Сеула убедить Вашингтон сменить тактику в отношении Северной Кореи и перейти от политики давления к практике конструктивного диалога.

Посредничество как способ балансирования

За роль посредника в отношениях КНДР и США Мун Чжэ Ин активно взялся как только появились первые признаки разрядки напряженности в межкорейских делах. Во время зимней Олимпиады Сеул предпринял попытку организовать встречу представителей двух стран, однако тогда стороны к ней оказались не готовы. Для США это была слишком резкая и кардинальная смена позиций, а Северная Корея и вовсе не желала смещать акцент с межкорейских отношений на отношения КНДР–США. Глава Североамериканского департамента МИД КНДР Чо Ён Сам заявил, что северокорейская делегация «не намерена встречаться» с представителем США. «Мы никогда не просили диалога с США, и наша позиция останется неизменной в будущем... Мы не стремимся использовать спортивное мероприятие в политических целях» [14]. С похожими заявлениями выступила и пресс-секретарь Госде-

партамента США Хизер Науэрт, подтвердив, что Вашингтон не планирует встречи с представителями Северной Кореи «во время Олимпийских игр или после них».

На первом этапе главной задачей Мун Чжэ Ина, как посредника в отношениях КНДР и США, было прекращение конфронтации и начало диалога между Вашингтоном и Пхеньяном. Успешное решение этой задачи открыло возможности для проведения сингапурского саммита Трампа и Кима, который не только сыграл важную роль в нормализации американо-северокорейских контактов, но и стал благоприятным фоном для межкорейского сближения. После Сингапура, открывшего новый этап в отношениях и давшего старт активному переговорному процессу, перед президентом Муном встала другая, более сложная задача: сгладить противоречия, сократить разрыв в позициях США и Северной Кореи, чтобы стороны могли осуществлять эффективный диалог. Несмотря на то, что Вашингтон продолжал жестко придерживаться требований: сначала денуклеаризация КНДР, а затем ослабление санкций и предоставление гарантий режиму, Мун Чжэ Ин пытался убедить Белый дом смягчить тактику и согласиться на более реалистичный вариант – поэтапная денуклеаризация КНДР и ответные синхронные меры со стороны США.

Активные посреднические усилия Муна были поддержаны Пхеньяном (хотя СМИ КНДР не упускали случая упрекнуть Сеул в чрезмерной зависимости от «инострannого влияния»). Центральный печатный орган ЦК ТПК газета «Нодон Синмун» писала: «Высказывание одного из представителей иностранной прессы о том, что успешное осуществление проектов межкорейского сотрудничества зависит от мужества и усердия южнокорейских властей, в то время как США становятся основным препятствием для межкорейских отношений, совершенно верно» [15].

Действительно, стараниями новой либеральной администрации РК связи Севера и Юга заметно оживились. В течение 2018 г. стороны провели 36 встреч и приняли 23 соглашения, открыли межкорейский офис связи, осуществили совместное обследование железных и автомобильных дорог, возобновили сотрудничество в области лесного хозяйства и здравоохранения. Впервые за три года состоялись встречи разлученных семей, а объединенные корейские команды выступили на нескольких международных спортивных соревнованиях. И, конечно, важнейшим достижением стало налаживание эффективного взаимодействия между военными Северной и Южной Кореи.

Далеко не так успешно продвигался американо-северокорейский диалог. Позиции Вашингтона и Пхеньяна все также кардинально расходились, кроме того, администрация Трампа стала выражать обеспокоенность слишком быстрым сближением Севера и Юга, заявляя, что прогресс в межкорейских отношениях не должен опережать процесс денуклеаризации. И хотя к середине 2018 г. КНДР уже предприняла серьезные шаги в направлении разоружения (ввела мораторий на ядерные испытания и ракетные запуски, демонтировала полигоны Сохэ и Пхунгери), Соединенные Штаты называли все эти действия недоста-

точными. Белый дом, столкнувшись после сингапурского саммита с резкой критикой своей «слишком уступчивой позиции», ужесточил риторику, заявив, что никакой декларации об окончании войны на Корейском полуострове не будет, пока Пхеньян не предоставит полный список своих ядерных объектов и оружия. Резкая ответная реакция Северной Кореи привела к свертыванию американо-северокорейских переговоров, и уже в июле 2018 г. в отношениях между США и КНДР вновь стали проявляться признаки конфронтации. В одночасье оказались фактически перечеркнуты все предыдущие достижения сторон, и Мун Чжэ Ину пришлось снова почти с нуля начинать свою миссию по примирению Вашингтона и Пхеньяна, только уже в более сложных условиях.

Межкорейские связи набирали обороты, и чем активнее они развивались, тем сильнее становилось давление на Сеул как США, так и Северной Кореи. Вашингтон требовал, чтобы сближение Севера и Юга не опережало денуклеаризацию, а шло вслед за ней. Со своей стороны Пхеньян настаивал на последовательном выполнении всех пунктов Пханмунджомской декларации, предусматривающих активное развитие двусторонних связей, вне зависимости от результативности переговоров Северной Кореи и США.

Мун Чжэ Ин оказался в непростой ситуации, требовавшей от него постоянного лавирования и балансирования между интересами двух непримиримых соперников. В попытках сблизить позиции Пхеньяна и Вашингтона, склонить их к компромиссам и уступкам, Мун старался поддерживать и ту и другую сторону, чем постепенно стал вызывать раздражение обоих партнеров. Недовольство Сеулом усилилось после третьего межкорейского саммита (сентябрь 2018 г.). Подписание Военного соглашения между КНДР и РК вызвало негодование Вашингтона, и Южной Корее пришлось умерить свой энтузиазм, что, в свою очередь, крайне возмутило Ким Чен Ына. В такой ситуации Мун Чжэ Ину становилось все сложнее поддерживать свой авторитет посредника в диалоге США и КНДР, тем более что он не имел реальных рычагов влияния ни на Пхеньян, ни на Вашингтон. Но, несмотря на это, посредничество в американо-северокорейском диалоге продолжало оставаться одним из приоритетных направлений дипломатии Муна, поскольку от него во многом зависело будущее межкорейских отношений.

В Сеуле прекрасно осознавали: Пхеньян не приступит к следующему этапу денуклеаризации, пока США не начнут предпринимать ответные дружественные шаги. Северная Корея ждала, что Соединенные Штаты внесут действенный вклад в разблокирование тех проблем Корейского полуострова, к которым непосредственно причастны, это, прежде всего, санкции в отношении КНДР и мирный договор об окончании Корейской войны (1950–1953). Мун Чжэ Ин придерживался схожей позиции. Он считал, что достижение договоренностей по вопросам мира и санкций может стимулировать Пхеньян к дальнейшему разоружению и сыграть решающую роль в ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове,

поэтому на них были сосредоточены основные усилия южнокорейской дипломатии.

Мирный договор. Этот вопрос ждет своего решения уже более 65 лет, с тех пор, как по окончании Корейской войны 1950–1953 гг. Южная Корея отказалась подписывать соглашение о перемирии³. Корейская оттепель создала благоприятные условия и открыла новые возможности для реализации мирных инициатив. На первой встрече Ким Чен Ына и Мун Чжэ Ина стороны не только признали необходимость подписания мирной декларации, но и пришли к общему мнению, что она должна стать предпосылкой к созданию безъядерной зоны на Корейском полуострове, таким образом увязав денуклеаризацию КНДР с подписанием мирного договора.

Однако внутри Южной Кореи идея заключения мира не получила однозначной поддержки. Против него выступают консерваторы, чья идеология довольна популярна в обществе. Они не признают никаких договоров с Северной Кореей, основываясь на тезисе, что северокорейский режим – незаконный. Данное положение записано и в конституции РК, поэтому, даже в случае подписания мирной декларации, любая попытка провести ее через законодательный орган неизбежно вызовет волну протестов, а возможно, и спровоцирует конституционный кризис.

Серьезной проблемой для президента Муна является то, что инициативу подписания мирного договора с КНДР не поддерживают Соединенные Штаты, которые опасаются, что он может подорвать основы альянса США–РК, возникшего в результате Корейской войны и долгие годы оправдывавшего свое существование северокорейскими угрозами. Мун Чжэ Ин приложил немало усилий, чтобы убедить Белый дом, что мирная декларация – это всего лишь политическое заявление, и ее подписание не повлечет за собой таких серьезных последствий, как вывод или сокращение американских войск в Корее, и уж тем более, не нарушит крепость альянса Южной Кореи с США. Кроме того, в качестве веского довода президент Мун использовал аргумент, что декларация об окончании войны, также как ослабление санкций – это такие меры, которые могут быть отменены в любое время [16].

Сеул старался использовать любые возможности и различные площадки для решения вопроса о мирном договоре, в частности, выступил с инициативой подписать его на четырехсторонней основе – США, КНР, КНДР, РК на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2018 г. Накануне в августе администрация Мун Чжэ Ина обратилась с предложением в Белый дом. В очередной раз инициатива не была поддержана, но на этот раз она вызвала неожиданную реакцию Пхеньяна. Не успела закрыться 73-я сессия Генассамблеи, как 1 октября Северная Корея заявила, что «не будет особенно добиваться подписания декларации об окончании войны, если Соединенные Штаты этого не хотят». Главное информационное агентство Северной Кореи (KCNA) опубликовало материал, в котором говорилось, что прекращение войны в Корее отвечает интересам всех стран, и декларация об ее окончании

«никогда не станет разменной монетой» для денуклеаризации Северной Кореи [17].

Таким образом, рассеялись последние надежды претворить в жизнь одно из положений Пханмунджомской декларации и подписать договор об окончании Корейской войны в течение 2018 г. После заявлений Пхеньяна все дальнейшие усилия Южной Кореи по продвижению мирного договора были заранее обречены на неудачу. Мун Чжэ Ину ничего не оставалось, как принять случившееся и сохранять веру, что в будущем сложатся более благоприятные обстоятельства для реализации мирных инициатив. В интервью Би-би-си 12 октября 2018 г. он сказал: «Декларация об окончании войны – лишь вопрос времени, и я считаю, что это неизбежно произойдет» [18].

Санкции в отношении КНДР. Для Сеула эта проблема является более важной и чувствительной, чем проблема мирного договора. Экономическая блокада ООН и США Северной Кореи, продолжает оставаться главной помехой в развитии межкорейских связей. Санкции остановили все проекты экономического сотрудничества, среди которых упомянутые в Пхеньянской декларации Кэсонский технопарк, туристический комплекс в горах Кымгансан, соединение железных и автомобильных дорог. Без экономического взаимодействия все шаги в области гуманитарного сотрудничества (культура, спорт и др.), которые пытаются предпринимать Север и Юг, превращаются исключительно в символические жесты.

После того, как в октябре 2018 г. Пхеньян сместил приоритеты в переговорах и, отказавшись от попыток добиваться подписания мирной декларации, сконцентрировался на вопросе отмены санкций, южнокорейская дипломатия сосредоточила все свои усилия на том, чтобы также убедить Вашингтон ослабить жесткий санкционный режим в отношении КНДР. В своей тактике убеждений Сеул использовал два основных довода. Один из них – уже упомянутый тезис, что после частичного разоружения, которое провел Пхеньян в 2018 г., логично было бы также частично снять санкции с Северной Кореи, чтобы стимулировать ее на дальнейшие шаги по денуклеаризации. Другой довод Мун Чжэ Ина сводился к тому, что активное развитие межкорейских экономических связей (которое возможно только в случае смягчения санкций) способно стать движущим фактором денуклеаризации, поскольку может более действенно повлиять на северокорейский режим, чем экономическая блокада.

Однако Вашингтон продолжал придерживаться позиции максимального давления на КНДР, что подталкивало правительство Мун Чжэ Ина к поиску обходных путей. В южнокорейской прессе периодически появлялась информация, что в соответствующих министерствах обсуждаются вопросы отмены ограничений в отношении сотрудничества с Северной Кореей. В январе 2019 г. министр иностранных дел РК Кан Гён Хва заявила, что Сеул изучает возможности восстановления двух «важнейших для правительства межкорейских проектов» – промышленного комплекса Кэсон и туризма в Кымгансан. Она, в частности, упомянула, что рассматриваются различные варианты выплаты заработной платы рабочим технопарка

Кэсон в натуральной форме, что позволит восстановить деятельность производств, не нарушая международных санкций, запрещающих большой оборот наличных средств [19]. Но все попытки руководства РК обойти санкционный режим оказывались безуспешными. Без одобрения США Сеул не способен продвинуть ни один межкорейский проект, даже такой нейтральный, как туристические поездки в горы Кымгансан, который формально не попадает под санкции ООН.

Между тем большинство южнокорейцев одобряют развитие экономического сотрудничества с КНДР. Согласно опросу, проведенному Консультативным советом по национальному объединению (NUAC) в ноябре 2018 г., 64% респондентов согласились с тем, что в интересах достижения полной денуклеаризации санкции должны быть ослаблены [20].

2019 г.: тупик или надежды на будущее

2019 г. стал большим испытанием для президента Муна и его политики в отношении Корейского полуострова. Несмотря на то, что были достигнуты устойчивые результаты в снижении региональной напряженности, в начале года стали отчетливо проявляться признаки снижения динамики межкорейских связей. В Северной Корее нарастало недовольство Мун Чжэ Ином и его неспособностью добиться прогресса в решении ключевых проблем – мирного договора и санкций. Принципиальные разногласия Пхеньяна и Вашингтона относительно трактовки понятия «денуклеаризация» и нежелание США идти на ответные уступки КНДР делали практически невыполнимой посредническую миссию Муна, которая и без того была осложнена воздействием множества разнородных и противоречивых факторов. Выстраивая свою политику, Мун Чжэ Ин старался казаться надежным и искренним партнером для Ким Чен Ына, одновременно пытаясь сохранять на прежнем уровне союзнические отношения с США и подыгрывая внутренней оппозиции, критика которой усиливалась на фоне ухудшения ряда социально-экономических показателей Южной Кореи. Однако следование этой тактике лишь усиливало давление на Муна и связывала его действия.

Большие надежды на изменение ситуации к лучшему, президент РК возлагал на саммит США–КНДР в Ханое (27–28 февраля 2019 г.), ожидая от него прорыва не только в американо-северокорейском диалоге, но и в межкорейских отношениях. Советник президента РК по вопросам объединения, международным делам и национальной безопасности Мун Чжон Ин в преддверии встречи в верхах заявлял: «...в отличие от соглашений, достигнутых Трампом и Кимом в июне прошлого года в Сингапуре, которые состояли из неопределенных формулировок и обязательств в отношении денуклеаризации Севера, предстоящая встреча Трампа и Кима даст точное представление, как будет осуществляться денуклеаризация и какими должны быть взаимные шаги» [21].

Наблюдая за активной подготовкой спецпредставителей США и КНДР к ханойскому саммиту, Сеул

тщательно просчитывал возможности принять в нем участие. В случае готовности Трампа и Ким Чен Ына подписать декларацию об окончании войны на Корейском полуострове, Мун Чжэ Ин мог присоединиться к ним и, превратив двухсторонний саммит в трехсторонний, стать одним из подписантов документа. Такие же планы у лидера РК были и на первую американо-северокорейскую встречу в июне 2018 г.

Ханойский саммит Д. Трампа и Ким Чен Ына завершился досрочно, ее итог, реакция заинтересованных сторон и мирового сообщества известны. Стороны не пришли к взаимному согласию по снятию санкций с КНДР, а также разошлись в понимании формулировок денуклеаризации. Казалось, можно было констатировать полный провал переговоров, что поторопились сделать ряд экспертов-международников и СМИ, однако официальный Сеул и по сей день демонстрирует оптимизм и категорически не соглашается с утверждениями, что наиболее пострадавшей стороной в неудавшемся диалоге Трампа и Кима является Мун Чжэ Ин. «Ханойский синдром» не повлиял на намерения Муна. Он по-прежнему заявляет, что его основной задачей остается содействие Трампу и Ким Чен Ыну в переговорном процессе, одновременно подчеркивая свою приверженность курсу на развитие диалога с Северной Кореей, мирное объединение и создание безъядерной зоны на Корейском полуострове.

Оптимистичный настрой Мун Чжэ Ина во многом оправдан. Что касается самого саммита, то, несмотря на отсутствие итогового соглашения, он стал хорошим уроком того, как следует вести переговоры с Пхеньяном, который оказался партнером жестким и неуступчивым. Встреча в Ханое продемонстрировала, что тактика давления и ультиматумов в случае с КНДР не действует, а решения по сложным вопросам ядерного разоружения северокорейская сторона будет принимать только на основании тщательно проработанных и заранее согласованных документов. При этом Ханойский саммит не поставил точку в переговорном процессе. Стороны, скорее взяли тайм-аут, чтобы с учетом полученного опыта выстроить более эффективную тактику. Ни США, ни КНДР, ни РК не отказали от диалога, а значит, сохраняется возможность возобновления переговоров Трампа и Ким Чен Ына при посредничестве Мун Чжэ Ина.

Правда сейчас такой сценарий может показаться маловероятным. Ким Чен Ын не скрывает своего раздражения отсутствием прогресса в решении ключевых проблем полуострова, и основной вектор его недовольства сейчас направлен на Сеул. После безрезультативной встречи в Ханое Пхеньян заморозил все контакты с Югом, подчеркнуто проигнорировал годовщину апрельского саммита в Пханмунджоме (на праздновании отсутствовали не только официальные лица, но было даже артистов из Северной Кореи) и демонстративно отказался от гуманитарной помощи, выделенной РК. С мая этого года КНДР возобновил ракетные испытания, которые в последнее время проводятся чуть ли не еженедельно. А что касается Мун Чжэ Ина, то северокорейская сторона недвусмысленно дала понять,

что не нуждается в его посреднических услугах. Как заявил руководитель североамериканского департамента МИД КНДР Квон Чжон Гун, переговоры КНДР и США являются делом этих двух стран, и южнокорейским властям «нечего вмешиваться в диалог» [22].

Между тем сложно представить, чтобы обсуждение проблем Корейского полуострова происходило без участия Южной Кореи. Также маловероятно, что США и КНДР смогут договориться друг с другом, не прибегая к помощи Сеула. Оставаясь на вторых ролях, Мун Чжэ Ин немало сделал для того, чтобы поднять авторитет КНДР. Во многом его усилиями было сформировано более позитивное восприятие Ким Чен Ына мировым сообществом, за что южнокорейская оппозиция прозвала Муна «верным представителем Ким Чен Ына». Именно либеральный курс нынешнего президента создал благоприятные условия для активизации межкорейских отношений, что открыло возможности для снижения военной напряженности на Корейском полуострове и дало старт диалогу КНДР–США. И, наконец, до сих пор как раз тесный контакт Сеула с Вашингтоном позволяет сохранять фундамент для переговоров по денуклеаризации.

Без Сеула Соединенные Штаты вряд ли будут проявлять особое рвение в урегулировании проблем Корейского полуострова, тем более сложно представить, чтобы Вашингтон прислушался к аргументам северо-корейского руководства и пошел ему на уступки. Уступки вообще не являются характерной чертой американской политики, но что касается Южной Кореи – важного военно-политического союзника, значимость которого заметно возрастает сейчас, на фоне усиления конфронтации США с Китаем, – то к ее мнению Белый дом хотя бы прислушивается. И уж если Вашингтон решится пойти на компромисс, то никак не под давлением Северной Кореи, а скорее, под влиянием уговоров Сеула и дополнительных гарантий и предпочтений с его стороны.

В этой связи заявления Ким Чен Ына и его порыв сбросить со счетов Южную Корею, оставив ее за бортом переговорного процесса, представляются, по меньшей мере, недальновидными. Демонстративные выпады Пхеньяна в сторону южного соседа можно объяснить либо всплеском эмоциональности, спровоцированным безрезультатностью прилагаемых усилий, либо, что более вероятно, попыткой использовать тактику жесткого давления на Сеул, в расчете подтолкнуть Мун Чжэ Ина к более решительным действиям. В любом случае такое обострение слишком долго не продлится. Как только эмоции улягутся, и станет очевидно, что прессинг не дает результата, стороны снова пойдут на сближение. Развитие межкорейских отношений было и останется

важнейшей внешнеполитической задачей как Сеула, так и Пхеньяна и основой для решения всех проблем Корейского полуострова. А активная вовлеченность Соединенных Штатов в дела региона неизбежно выведет переговоры на трехсторонний формат. И либеральный курс Мун Чжэ Ина, нацеленный на диалог с Северной Кореей, и максимальное содействие налаживанию контактов между США и КНДР еще не раз подтвердят свою состоятельность.

Заключение

В целом деятельность Мун Чжэ Ина по трансформации межкорейских отношений и содействию переговорному процессу между США и КНДР заслуживает оценки исторической значимости. Межкорейская «оттепель», ставшая важнейшим внешнеполитическим достижением президента РК, способствовала прогрессу в отношениях Севера и Юга и отодвинула угрозу ядерного коллапса в регионе. Однако создание устойчивого мира на Корейском полуострове – гораздо более длительный процесс, и его успех зависит от множества факторов, в том числе, и сложнопрогнозируемых.

Либеральная администрация президента Муна, в отличие от своих консервативных предшественников, не рассчитывает на скорый крах КНДР и не торпедирует объединение страны на своих условиях. Северокорейцы это ценят и в ответ согласны на определенные компромиссы. Если бы не сохраняющаяся ядерная проблема, то Мун Чжэ Ин и Ким Чен Ын давно бы могли договориться о гарантиях взаимной безопасности и начать сотрудничать в масштабах не меньших, чем в период «либерального десятилетия» начала XXI в. Впрочем, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств Сеулу вряд ли удалось полностью избавиться от конфронтации и недоверия в отношении Северной Кореи.

Курс на диалог, продвигаемый Мун Чжэ Ином, – самый действенный способ урегулировать проблемы и снизить напряженность, но переговоры ради переговоров не могут длиться вечно. Сегодня существует реальная угроза, что переговорный процесс перейдет в состояние глубокой стагнации и примет очертания «окопной войны». Не допустить этого – главная задача Муна до конца его президентского срока. Несмотря на серьезное сопротивление со стороны внешних (Вашингтон с его жесткой позицией в отношении КНДР) и внутренних (южнокорейская оппозиция) оппонентов, он продолжит свой курс на активизацию межкорейского диалога, используя весь арсенал (впрочем, довольно ограниченный) имеющихся у него средств и отдавая предпочтение «личной дипломатии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имя Ким Ён Чхоль внесено в санкционный список Сеула и Вашингтона. Считается, что в 2010 г. он принимал участие в организации двух атак в отношении Юга: нападения подводной лодки ВМС КНДР на корвет ВМС РК «Чхонан» в Жёлтом море, в результате которого погибли 46 южнокорейских моряков, и обстрел острова Ёнпхёндо, повлекший гибель четырех человек, в том числе двух гражданских.

² Ливия с 2004 г. начала вывозить в США свое оборудование для ядерного оружия в обмен на нормализацию отношений с США и ослабление экономических санкций.

³ Свои подписи под соглашением о перемирии поставили только представители КНДР и ОО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Мун Чжэ Ина по случаю 72-й годовщины освобождения страны. 15 августа 2017 г. URL: https://www.unikorea.go.kr/board/file/bbs_000000000000043/47362/FILE_000000000015268/2018041009291397075;jsessionid=PGAn5nNTsSw9MG0d1bwZt518.unikorea11 (дата обращения: 14.04.2019).
2. Новый шаг к пути мира. Межкорейский саммит. 2018. URL: http://russian.korea.net/FILE/pdfdata/2018/04/2018_inter-korean_summit_RU.pdf (дата обращения: 07.06.2019).
3. Новогодняя речь товарища Ким Чен Ына. 1 января 2018 г. URL: <https://rkrp-rpk.ru/2018/01/07/новогодняя-речь-товарища-ким-чен-ына/> (дата обращения: 05.04.2019).
4. Trump to follow up on inter-Korean talks. The Korea Times. 11.01.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/04/356_242271.html (accessed: 15.01.2018).
5. [Editorial] US showing signs of shifting to dialogue with North Korea. Hankyoreh. 29.01.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/829879.html (accessed: 01.02.2018).
6. NK-US dialogue essential for inter-Korean summit. The Korea Times. 11.02.2018. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/03/356_244007.html (accessed: 15.02.2018).
7. 73% of South Koreans welcome North's peace overtures, skeptical of its commitment. The Korea Times. 13.03.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/03/103_245465.html (accessed: 14.03.2018).
8. President Moon offers methodology for the denuclearization of North Korea. Hankyoreh. 28.02.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/834098.html (accessed: 05.03.2018).
9. Implementation of Panmunjeom Declaration will be a challenge. Hankyoreh. 28.04.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/842508.html (accessed: 06.05.2018).
10. Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (accessed: 06.07.2019).
11. Examining inter-Korean relations 200 days after Panmunjom Declaration. Hankyoreh. 08.11.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/870329.html (accessed: 10.11.2018).
12. 65% of South Koreans trust Kim Jong-un's denuke pledge. The Korea Times. 30.04.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/05/356_248198.html (accessed: 06.05.2018).
13. [Graphic News] Poll shows fewer S. Korean students see N. Korea as enemy. The Korea Herald. 13.02.2019. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190213000762> (accessed: 17.02.2019).
14. N. Korea says won't beg for talks with US. The Korea Times. 08.02.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/02/103_243835.html (accessed: 09.02.2018).
15. North Korean press criticizes US for hampering progress in inter-Korean relations. Hankyoreh. 05.09.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/860807.html (accessed: 10.09.2018).
16. [News analysis] 2nd NK-US summit likely to depend on US corresponding measures. Hankyoreh. 27.09.2018. Available at: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/863574.html (accessed: 09.02.2018).
17. (LEAD) North Korea says war's end can't be bargaining chip for denuclearization: KCNA. Yonhap. 02.10.2018. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181002000352315> (accessed: 03.10.2018).
18. North Korea's demands shifting from end-of-war declaration to easing of UN sanctions. Hankyoreh. 17.10.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/866221.html (accessed: 20.10.2018).
19. S. Korean official expresses need to find indirect way of reopening Kaesong Industrial Complex. Hankyoreh. 12.01.2019. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/878127.html (accessed: 15.01.2019).
20. 64% of South Koreans agree to relaxing sanctions on North Korea. Hankyoreh. 28.11.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/872195.html (accessed: 29.11.2018).
21. NK promises to destroy all uranium facilities. The Korea Times. 01.02.2019. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/02/103_263093.html (accessed: 06.02.2019).
22. N. Korean foreign ministry names 3 conditions for denuclearization negotiations to resume. Hankyoreh. 28.06.2019. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/899763.html (accessed: 01.07.2019).

Статья представлена научной редакцией «История» 22 ноября 2019 г.

President Moon Jae-in's Policy on the Settlement of the Inter-Korean Relations: Searching for a Balance between the Desirable and the Possible

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 107–117.

DOI: 10.17223/15617793/466/13

Valery Yu. Mishin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: uran_mishin@mail.ru

Anna V. Simonenok, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: asimonenok@yandex.ru

Keywords: inter-Korean relations; politics of Moon Jae-in; inter-Korean summits; denuclearization; Korean Peninsula.

Moon Jae-in came to power in May 2017 in the wake of the Korean political crisis and impeachment of the previous president Park Geyn-hye. Since the very first days of his leadership President Moon has set a course for a sequential transformation of the inter-Korean relations and prevention of the nuclear crisis on the Korean Peninsula. The cornerstone of his program was the idea that the denuclearization of North Korea and the establishment of the long-lasting peace on the Korean Peninsula is possible provided that the North–South relations are normalized and Pyongyang is involved into the constructive peaceful dialogue. The authors demonstrate how Moon Jae-in was able to start the renaissance in the inter-Korean relations. He used the experience of the previous liberal governments of the Republic of Korea and successfully developed and enhanced the famous Sunshine Policy with his own ideas. The first stage of Moon Jae-in's presidency was marked with some serious foreign policy achievements. Thanks to the tactic of “summit diplomacy” President Moon was able to achieve significant reduction in tensions on the Korean Peninsula, which resulted in the fact that relations between the North and the South became more friendly and trustworthy. The historical documents signed during these summits – the Panmunjom Declaration (April 2018) and the Comprehensive Military Agreement (September 2018) – and their fast practical implementation can also be considered as President Moon's success. Further advancement of Moon Jae-in's course for building positive relationships with the DPRK faced serious obstruction from the United States. The authors show how simultaneous with settlement of inter-Korean relations President Moon had to deal with another difficult task – neutralization of the external

factors (US sanctions and disagreements between Washington and Pyongyang) that were harmful for the development of the North Korea–South Korea relations. The tactics of being a mediator between the United States and North Korea chosen by Moon Jae-in was quite efficient in the beginning. The blatant enemies – Pyongyang and Washington – clamped down on their confrontation and sat at the negotiating table. However, the intransigence of Washington on the issue of a gradual and phase-based denuclearization of North Korea and withdrawal of sanctions altogether with the non-constructive criticism of the South Korean opposition made Moon Jae-in a hostage of the situation, limiting his potentially independent and substantive steps in foreign policy. Meanwhile, the authors of the research have come to the conclusion that on some issues President Moon was able to achieve much more than his predecessors. Despite the fact that he was unable to achieve a full-scaled settlement of the inter-Korean relations he did everything possible under the existing circumstances. Nowadays one can say that the challenges of the North Korean nuclear missile program and security on the Korean Peninsula are no longer entirely military topics, they are even more likely to be diplomatic issues. This fact is undoubtedly his great accomplishment. Thus, it is possible to foresee good perspectives for the further declining level of the regional tensions and for the development of the inter-Korean relations.

REFERENCES

1. Moon Jae-in. (2017) *Vystuplenie Mun Chzhe Ina po sluchayu 72-y godovshchiny osvobozhdeniya strany. 15 avgusta 2017 g.* [Moon Jae-in's Speech on the Occasion of the 72nd Anniversary of the Liberation of the Country, August 15, 2017]. [Online] Available from: https://www.unikorea.go.kr/board/file/bbs_000000000000043/47362/FILE_000000000015268/2018041009291397075;jsessionid=PGAn5nNTsSw9MG0d1bwZt518.unikorea11 (Accessed: 14.04.2019).
2. Russian.korea.net. (2018) *Novyy shag k puti mira. Mezhekoreyskiy sammit. 2018 g.* [A New Step towards the Peace. Inter-Korean Summit 2018]. [Online] Available from: http://russian.korea.net/FILE/pdfdata/2018/04/2018_inter-korean_summit_RU.pdf (Accessed: 07.06.2019).
3. Kim Jong-un. (2018) *Novogodnyaya rech' tovarishcha Kim Chen Yna. 1 yanvarya 2018 goda.* [Comrade Kim Jong-un's New Year's Speech. January 1, 2018]. [Online] Available from: <https://rkrp-rpk.ru/2018/01/07/novogodnyaya-rech'-tovarishcha-kim-chen-yna/> (Accessed: 05.04.2019).
4. *The Korea Times.* (2018) Trump to follow up on inter-Korean talks. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/04/356_242271.html (Accessed: 15.01.2018).
5. *Hankyoreh.* (2018) US showing signs of shifting to dialogue with North Korea. 29.01.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/829879.html (Accessed: 01.02.2018).
6. *The Korea Times.* (2018) NK-US dialogue essential for inter-Korean summit. 11.02.2018. [Online] Available from: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/03/356_244007.html (Accessed: 15.02.2018).
7. *The Korea Times.* (2018) 73% of South Koreans welcome North's peace overtures, skeptical of its commitment. 13.03.2018. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/03/103_245465.html (Accessed: 14.03.2018).
8. *Hankyoreh.* (2018) President Moon offers methodology for the denuclearization of North Korea. 28.02.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/834098.html (Accessed: 05.03.2018).
9. *Hankyoreh.* (2018) Implementation of Panmunjeom Declaration will be a challenge. 28.04.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/842508.html (Accessed: 06.05.2018).
10. Mofa.go.kr. (2018) *Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula.* [Online] Available from: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (Accessed: 06.07.2019).
11. *Hankyoreh.* (2018) Examining inter-Korean relations 200 days after Panmunjom Declaration. 08.11.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/870329.html (Accessed: 10.11.2018).
12. *The Korea Times.* (2018) 65% of South Koreans trust Kim Jong-un's denuke pledge. 30.04.2018. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/05/356_248198.html (Accessed: 06.05.2018).
13. *The Korea Herald.* (2019) [Graphic News] Poll shows fewer S. Korean students see N. Korea as enemy. 13.02.2019. [Online] Available from: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190213000762> (Accessed: 17.02.2019).
14. *The Korea Times.* (2018) N. Korea says won't beg for talks with US. 08.02.2018. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/02/103_243835.html (Accessed: 09.02.2018).
15. *Hankyoreh.* (2018) North Korean press criticizes US for hampering progress in inter-Korean relations. 05.09.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/860807.html (Accessed: 10.09.2018).
16. *Hankyoreh.* (2018) [News analysis] 2nd NK-US summit likely to depend on US corresponding measures. 27.09.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/863574.html (Accessed: 09.02.2018).
17. *Yonhap.* (2018) (LEAD) North Korea says war's end can't be bargaining chip for denuclearization: KCNA. 02.10.2018. [Online] Available from: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181002000352315> (Accessed: 03.10.2018).
18. *Hankyoreh.* (2018) North Korea's demands shifting from end-of-war declaration to easing of UN sanctions. 17.10.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/866221.html (Accessed: 20.10.2018).
19. *Hankyoreh.* (2019) S. Korean official expresses need to find indirect way of reopening Kaesong Industrial Complex. 12.01.2019. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/878127.html (Accessed: 15.01.2019).
20. *Hankyoreh.* (2018) 64% of South Koreans agree to relaxing sanctions on North Korea. 28.11.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/872195.html (Accessed: 29.11.2018).
21. *The Korea Times.* (2019) NK promises to destroy all uranium facilities. 01.02.2019. [Online] Available from: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/02/103_263093.html (Accessed: 06.02.2019).
22. *Hankyoreh.* (2019) N. Korean foreign ministry names 3 conditions for denuclearization negotiations to resume. 28.06.2019. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/899763.html (Accessed: 01.07.2019).

Received: 22 November 2019